

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

Russian-Armenian University

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami

Branch of the Military Academy of Communications in Krasnodar

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Samara State Social and Pedagogical University

Penza State Technological University

PSYCHOLOGY OF THE 21ST CENTURY: THEORY, PRACTICE, PROSPECT

Materials of the VIII international scientific conference
on February 15–16, 2018

Prague
2018

Psychology of the 21st century: theory, practice, prospect: materials of the VIII international scientific conference on February 15–16, 2018 – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – 55 p. – ISBN 978-80-7526-272-1

ORGANISING COMMITTEE:

Garnik V. Akopov, doctor of psychological science, professor of Samara State Social and Pedagogical University.

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department at Russian-Armenian University.

Dilnoz I. Ruzieva, doctor of pedagogical sciences, professor of Tashkent State Pedagogical University named after Nizami.

Lyudmila V. Kotenko, doctor of pedagogical sciences, professor, senior researcher at the Military Academy of Communications, branch in Krasnodar.

Victor G. Galushko, candidate of philosophical sciences, assistant professor, head of department of philosophy, cultural studies and foreign languages at St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.

Diana V. Efimova, candidate of psychological sciences, assistant professor of Penza State Technological University.

Iona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines psychology of the 21st century. Some articles deal with Actual topics of general psychology. A number of articles are covered personality as an object of modern psychological research. Some articles are devoted to the principles, criteria and methods of psychology. Authors are also interested in features of interaction and relationships in social groups.

UDC 159.9

ISBN 978-80-7526-272-1

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2018.

© Group of authors, 2018.

CONTENTS

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF THE MAIN AREAS OF PSYCHOLOGY

Иванова Е. С.

Когнитивные ошибки: новая методика диагностики, опыт апробации.....5

II. ACTUAL TOPICS OF GENERAL PSYCHOLOGY

Исмаилова Н. И.

Сравнительный анализ механизмов защитного поведения
в трудной жизненной ситуации 10

Кисикова К. А.

Проблема современного общества – компьютерная зависимость
подростков..... 12

Малышевская А. С.

Забывание: аргументы «за» и «против» 14

III. PERSONALITY AS AN OBJECT OF MODERN PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Федорова А. А., Жукова К. В.

Индивидуально-типологические и личностные особенности лиц
юношеского возраста, имеющих татуировки..... 17

IV. THE PRINCIPLES, CRITERIA AND METHODS OF PSYCHOLOGY

Иксанова Г. Н.

Проблема подросткового возраста и трудности в общении
в переходный период..... 22

V. FEATURES OF INTERACTION AND RELATIONSHIPS IN SOCIAL GROUPS

Иващенко Е. А.

Социально-психологические аспекты тренерской деятельности
с командами игровых видов спорта..... 26

Медушевский Н. А. Стокгольмский синдром и общественное сознание в ЕС	30
--	----

VI. THEORETICAL AND PRACTICAL IMPLICATIONS OF THE PSYCHOLOGY OF RELIGION

Асланян В. Ю. Искусственность и алогичность критериев формирования выборки в исследованиях по психологии религии	34
---	----

VII. PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF FAMILY INTERACTION

Бегиев В. Г., Лебедева Н. А., Винокурова Я. В., Бегиев О. В. Особенности проявления невротических симптомов у подростков с нарушением слуха в зависимости от семейного статуса в Республике (Саха) Якутия	38
---	----

Галигорова О. В., Григорьева А. М. Психологические аспекты работы учителя с семьями обучающихся.....	41
--	----

Федорова А. А, Исаева А. Ю. Особенности материнского отношения к ребенку с олигофренией.....	43
--	----

Щербакова Т. Л. Формы работы с семьей, воспитывающих детей с интеллектуальной недостаточностью	48
---	----

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 2018 году.....	50
---	----

Информация о научных журналах	52
-------------------------------------	----

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	53
---	----

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	54
--	----

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF THE MAIN AREAS OF PSYCHOLOGY

КОГНИТИВНЫЕ ОШИБКИ: НОВАЯ МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ, ОПЫТ АПРОБАЦИИ

Е. С. Иванова

*Кандидат психологических наук, доцент,
Уральский государственный
педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия*

Summary. In article prerequisites of cognitive mistakes research and scientific thought resistance to development of this direction are discussed. The provision on need of the combined approach assuming immediate empirical verification of methodological provisions moves forward. The example of the technique revealing universal cognitive mistakes is given. The data describing cognitive mistakes of various professional groups representatives, ethnocultural traditions are provided.

Keywords: cognitive mistakes; psychodiagnostics; questionnaire.

Изучение когнитивных ошибок, которые являются неотъемлемой частью ментальных схем человека – задача, требующая глубокой методологической и методической проработки. С одной стороны, о склонности человеческого разума искажать информацию о мире писали и философы древности, и мыслители Средневековья, а также Нового времени. Например, интересно учение Дж. Локка о двух качествах вещей, в котором он подчеркивает тенденцию к искажению при любой оценке, попытке интерпретации или истолкования скрытых от объективного наблюдения характеристик предмета, личности или ситуации. С другой стороны, исследователи в сфере психологии, занимаясь, по сути, изучением субъективной реальности, систематически упускают из вида этот аспект психической деятельности, пытаясь то привести все процессы к объективированному знаменателю (преимущественно отечественная традиция), то уйти в феноменологию и таким образом снять вопрос, не приступая к его решению (преимущественно западная традиция). Эти устремления авторов вполне понятны – ведь рефлексировать собственные когнитивные искажения, признавая неполноту наших знаний о мире, мозаичность и нецелостность образа действительности и происходящих в ней процессов, допускать мысль, что Другой всегда инаково читает те знаки, на которых изъясняется реальность – это большой труд, окрашенный базальной тревогой и экзистенциальным ужасом очередного доказательства одиночества человека, его замкнутости в рамках собственных представлений о мире, которые, оказыва-

ется, априори неточны. Это знание неприятно и будоражащее, потому что ставит под сомнение очень многие, вполне устоявшиеся, научные подходы и практические инструменты, связанные с коммуникацией, управлением человеческими ресурсами, оказанием помощи в социономических профессиях. Оно порождает сомнения в любом действии, связанном с попыткой трактовать что-либо, например, данные медицинских анализов или результаты социологических опросов. Более того, простой перечень и описание когнитивных ошибок превращают авторский текст в публичное обнажение несовершенной и дефицитарной структуры мышления его создателя, делают предсказуемым и легко читаемым умственные процессы, позволяя без труда приводить контраргументы, построенные на указании мыслительной несостоятельности и разбивать логику построения системы доказательств с опорой на вполне прозрачные для внешнего наблюдателя имплицитные огрехи в самом процессе оформления мысли в словесные конструкции. С этой позиции большое напряжение вызывает любая попытка обсуждения какого-либо процесса или явления, т.к. с точки зрения разнообразной и повсеместной склонности каждого субъекта к искажению реальности мы вплотную встаем перед лицом агностицизма как тотального явления, значительно обесценивающего итог как диалогического (совместного), так и монологического (индивидуального) поиска истины. Установленный факт о том, что в настоящее время выявлено свыше 200 (!) когнитивных ошибок, проявления которых являются либо универсальными (как часть когнитивных схем личности), либо ситуативными (проявляются единично, в заданном контексте) – заставляет задуматься о вопросе пересмотра всего процесса коммуникации и необходимости выработки новых правил безопасного взаимодействия, ибо недоподнимание и вольная трактовка любого послания – это то, чем живет сейчас и наука, и масс-медиа, и каждый индивид, имеющий доступ в СМИ любого формата.

Обозначив те трудности, которые представляются нам значимыми при разработке денной темы, перейдем к описанию авторской попытки решения заявленной проблемы. Представляется, что сочетанный метод, в рамках которого поиск и обнаружение методологических оснований сразу проходит этап эмпирической валидации и позволяет делать обоснованные выводы – это оптимальный вариант разработки направления, связанного с изучением когнитивных ошибок.

В теоретико-методологическую основу заявленного подхода были заложены идеи отечественных и зарубежных авторов. Объективность существования феномена когнитивных ошибок следует соотнести с метатеорией сознания М. Мамардашвили, метатеоретической размерностью когнитивной психологии, а также с теоремой о неполноте непротиворечивой системы Геделя [1, 6]. Положения этих исследований позволяют заключить, что активизация поискового поведения стимулируются неопределенностью, новизной, значимостью и дефицитом информации, что обусловли-

вает формирование искаженных умозаключений, ошибочные действия и, как следствие, – развертывание системы обоснований этих операций с целью придания субъективной целостности и логичности хаотичному и по факту в значительной мере иррациональному поиску. На неструктурированность этой деятельности указывает и В. М. Аллахвердов [2], трактуя когнитивную активность как процесс выдвижения и проверки гипотез относительно реальности. Т. е. мы вынуждены признать, что превалирующим в повседневной действительности выступает метод проб и ошибок, которому лишь впоследствии, зачастую независимо от положительного или отрицательного исхода, личность придает образ некоторой алгоритмизированности и спланированности действий.

В этой связи вслед за В. А. Шатохиной [6] сам феномен когнитивных ошибок можно интерпретировать как стереотипизацию или запуск невротических защит, которые ранее укоренились в бессознательном и актуализируются в значимой ситуации, сопряженной со стрессом и неопределенностью. Важным указанием в данном случае является тезис когнитивно-поведенческой терапии: чем меньше когнитивных ошибок в сфере формальных характеристик мышления, тем больше вероятность эмоционального благополучия личности. Автор указывает на типологичность ошибок, что мы понимаем тесную связь с личностными характеристиками и эмоциональной сферой, точнее, ее психодинамикой.

В. А. Шатохина [6] подчеркивает, что искажения выступают в качестве одного из специфических принципов самоорганизации мышления, указывает на закономерные формальные характеристики мыслительной деятельности человека, связанные с ошибками. Также она попыталась выделить две большие группы ошибок, однако, с точки зрения эмпирического исследования этого было недостаточно и мы продолжили поиск.

О некоторых когнитивных искажениях говорил еще А. Бэк, выделяя, например, генерализацию, персонализацию и ряд других. В процессе анализа литературы нами был определен перечень из 11 ошибок, описания и проявления которых представлены достаточно полно [3, с. 43–44], а само содержание и вероятность проявления позволяют предположить некоторую универсальность, по крайней мере, широкую распространенность в популяции этих искажений. Выдвинутые предположения позволили разработать психодиагностический инструмент, измеряющий степень выраженности той или иной ошибки [3]. «Опросник когнитивных ошибок» прошел все необходимые процедуры валидизации и стандартизации, чтобы стать экспериментальной методикой и был рекомендован для внедрения в 2015 г. В результате работы по распространению методики были проведены исследования в следующих направлениях:

1. Выявлена факторная модель когнитивных ошибок на смешанной поло-возрастной выборке. Было проведено объемное исследование, выполненное на 160 испытуемых, включающее в себя диагностику не только

когнитивных ошибок, но и оценку взаимосвязи искажений с личностными и психодинамическими свойствами. Использовались: опросник «Исследование психологической структуры темперамента» Б. Н. Смирнова; методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда; опросник «Стили мышления», который представляет собой русскоязычную адаптированную версию известного опросника InQ, разработанного Р. Брэмсоном, А. Харрисоном; многомерный опросник исследования самооотношения С. Р. Панталева. Факторный анализ полученных интеркорреляций сгруппировал показатели в пятифакторную структуру, при анализе содержания которой были выделены: фактор «Иллюзия собственной значимости», фактор «Самовнушенная беспомощность», фактор «Возведение в абсолют», фактор «Вырывание из контекста», фактор «Безосновательный максимализм». Данная факторная структура показывает хорошее распределение выявленных нами когнитивных ошибок, покрывающее различные, относительно независимые, тенденции искажения под влиянием как когнитивных процессов, так и в силу особенностей функционирования нервной системы, процессов саморегуляции, самооотношения, иррациональных процессов и невротических защит [3].

2. Определены особенности когнитивных ошибок представителей различных этнокультурных традиций. В выборку вошли 319 испытуемых – атеисты (146 обследуемых), православные (85 обследованных), неоязычники (69 обследованных), буддисты (39 обследованных). Дополнительно использовалась методика 16 PF Р. Кеттелла. Регрессионный анализ данных показал существенные межгрупповые различия когнитивных ошибок у представителей обследованных религиозных традиций и тесную связь с личностными особенностями. При этом влияние религиозной традиции объясняется воздействием через повседневные нормы оценки поведения и общую картину миропорядка, которая является неотъемлемой частью любого учения подобного рода [4].

3. Установлена специфика проявления когнитивных ошибок лиц, проходящих процедуру специализированного психофизиологического исследования. Изучались когнитивные ошибки у 535 испытуемых, проходящих проверку на полиграфе. В результате статистической обработки результатов были выявлены следующие факторы: первый – объединяет между собой тенденции к иррациональному мышлению, которое базируется на анализе ограниченного количества внешне заданных фактов, но сразу и активно используется испытуемым для снятия тревоги путем составления прогноза и поиска путей и способов его подтверждения, объединяя такие когнитивные ошибки; второй – подтверждение своей правоты, что связано со стремлением навязать лицу, проводящему обследование, определенное, выгодное для испытуемого, видение ситуации; третий – следование принятой роли [5, с. 90].

4. Выявлены особенности когнитивных ошибок у специалистов, обеспечивающих безопасность пассажиропотока при прохождении пунктов воздушного пропуска. Установлено превалирование тенденции к должностованию, что ограничивает спонтанность и креативность в общении с пассажирами, провоцирует стереотипные и конфликтогенные модели поведения.

Полученные данные позволяют рекомендовать авторскую экспериментальную методику «Опросник когнитивных ошибок» для оценки склонности к определенным типам когнитивных ошибок у представителей социономических профессий, с целью определения мишеней профилактики профессионального выгорания, повышения качества обслуживания и сопровождения клиентов. Перспективным направлением выступает расширение экспериментального поля, оценку искажений в различных эмоциональных ситуациях.

Библиографический список

1. Агафонов А. Ю., Козлов Д. Д. Познавательные стратегии в работе сознания и бессознательного. – Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, 16 (2014), 2-4. – С. 864-872.
2. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс (экспериментальная психология). – СПб.: 2000. – 528 с.
3. Иванова Е. С., Ратникова Е. М., Томилов Е. В. Экспериментальная методика оценки когнитивных ошибок личности: данные пилотажного исследования. // В мире научных открытий: мат-лы XVIII Межд. научно-практ. конф. – М.: Центр научной мысли, 2015. – С. 42-47.
4. Иванова Е. С., Томилов Е. В. Математическая модель когнитивно-личностных особенностей в зависимости от типа принадлежности к религиозной традиции // Международная научно-практическая конференция «Education, Science, and Humanities Academic Research Conference». США, Сан-Франциско, 2017. – С. 65-87.
5. Оточина И. А., Мельникова О. Э. Типичные когнитивные ошибки исследуемых лиц в ситуации проведения специальных психофизиологических исследований. – Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. № 2 (42). – С. 87-91.
6. Шатохина В. А. Когнитивная психотерапия. Неклассический формат. Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета, 2014. №7. – С. 63-68.

II. ACTUAL TOPICS OF GENERAL PSYCHOLOGY

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Н. И. Исмаилова

*Старший преподаватель,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Елабуга,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. The article analyzes the scientific approaches to defensive behavior that arises in a difficult life situation. Unconscious mechanisms of psychological defense and conscious coping mechanisms are considered.

Keywords: psychological defense; coping; difficult life situation.

В психологической науке идет поиск психических конструктов, характеризующих способность человека быть устойчивым к многочисленным проблемам и трудностям, сохранять психологическое здоровье и успешно развиваться, адаптируясь к личностным трансформациям и кризисам, возникающим под влиянием трудной жизненной ситуации. Со времени открытия феномена механизмов психологической защиты, содержательное значение этого понятия истолковываются учеными по-разному, в соответствии со своими теоретическими позициями.

Ученые-психологи рассматривают механизмы защиты как: бессознательные техники борьбы личности с неприятными и невыносимыми для сознания представлениями; бегство от реальности; неадекватные условиям существования псевдокомпенсации, сужающие адаптационные возможности; психическую деятельность, направленную на спонтанное изживание последствий психической травмы; свидетельство слабого «Я»; барьер, сужающий и искажающий полноценное восприятие травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними и внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта переживание мира; адаптивные механизмы, направленные на редукцию патогенного эмоционального напряжения, предохраняя от болезненных чувств и воспоминаний; механизмы, сохраняющие устойчивость личности на фоне дестабилизирующих переживаний и лишаящие возможности активно воздействовать на ситуацию и устранить источник переживаний [2; 3].

При изучении трудных жизненных ситуаций особое внимание уделяется анализу способов преодоления негативных психологических последствий трудностей, что привело к возникновению направления исследований, связанных с изучением механизмов совладания или копинг-механизмов. Данное направление зародилось в 60-х годах прошлого века, когда исследователи пришли к выводу о необходимости отделить неосознаваемые механизмы психологических защит от осознаваемых механизмов совладания. Анализ работ по психологии совладания показывает, что в учении о механизмах совладания не существует единого мнения и согласованности в оценке значения, посредством которого копинг влияет на отношение к трудной жизненной ситуации [1; 3].

В отечественной психологии понятие «совладание» известно с конца 20 века, где оно рассматривается как: особый вид социального поведения человека, обеспечивающего или разрушающего его здоровье, благополучие личностное развитие, психологических ресурсов и адаптации человека; зрелые способы адаптации к трудностям.

Обобщая современные представления о соотношении психологических защит и механизмов совладания, отмечаем, что психологические защиты и механизмы совладания в настоящее время понимаются как стратегии адаптации и многими учеными рассматриваются в следующем соотношении: механизмы защиты пассивны и неконструктивны, механизмы совладания активны и конструктивны; копинг-механизмы сознательны, механизмы психологической защиты неосознаваемы и в случае их закрепления становятся дезадаптивными; психологические защиты не позволяют осознавать объективную ситуацию, механизмы совладания активизируют поведенческие усилия по разрешению конфликтов; психологические защиты независимы от сознательных желаний и намерений человека, механизмы совладания глубоко осмыслены; механизмы защиты уклоняют человека от актуальной цели, механизмы совладания фокусируют на разрешение актуального затруднения и направлены на достижение желаемой цели; копинг продуктивно направлен, психологическая защита имеет слабую полярную направленность адаптации; психологическая защита более глубоко неосознанна, пассивна и ригидна и непродуктивна, механизмы совладания гибкие и сознательные способы преодоления трудных ситуаций; в рамках психической адаптации механизмы защиты неосознаваемы, механизмы совладания сознательны.

Библиографический список

1. Осухова Н. Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.
2. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы / Пер. с англ. – М.: Педагогика-Пресс, 2002. – 144 с.

3. Ismailova N. I, Ljdokova G. M, Panfilov A. N., Psychological Ways of Coping with Difficult Life Situations of Men of All Ages//Middle East Journal of Scientific Research. - 2013. - Vol.14, Is.12. - P.1618-1622.

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА – КОМПЬЮТЕРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ПОДРОСТКОВ

К. А. Кисикова

*Магистрант,
Оренбургский государственный
педагогический университет,
г. Оренбург, Россия*

Summary. The problem of studying of level of computer dependence of teenagers is presented in article. The focus at the main stages of emergence of computer dependence is placed. Data on identification of level of computer dependence at teenagers are submitted.

Keywords: adolescence; computer addiction; the causes of addiction.

Слишком быстро вошедшие в нашу жизнь компьютерные технологии, представляют собой основополагающую часть современной жизни. Кроме позитивных моментов компьютерный век добавил нашу жизнь и отрицательные элементы. Одно из значимых условий развития интернет - зависимости – качества нрава – высокая гордость, восприимчивость, беспокойность, тенденция к депрессии, невысокая самооценка, нехорошая стрессоустойчивость, неумение решать инциденты. Молодое общество, мучающиеся интерне-зависимостью, не могут создавать взаимоотношения с ровесниками, слабо приспосабливаются в коллективе, то, что содействует уходу от актуальных проблем в воображаемое общество Сети интернет и градационному развитию Сети интернет. Уход в Сеть интернет считается одним из методов адаптации к данному ожесточенному миру. Ощущая трудности в формулировании собственных чувств, контактов с родными и ровесниками подростки стремятся остерегаться обстановок, в каком месте он способен ощущать дискомфорт и находить наиболее надежный, опосредствованный метод взаимодействия со сферой, к примеру, посредством Сеть интернет. Сеть интернет-сфера является кроме того орудием самообороны с плохим настроением, эмоциями, оскорблениями.

Психолого-педагогические исследования доказывают, что существует три стадии подростковой зависимости от компьютера. Суть первой стадии в легкой увлеченности, в которой происходит соотношение подростка с главным героем, предпочтение отдается графическому сопровождению и яркости картинок. Появляется четкое разграничение понятий «Я – реальное» и «Я-виртуальное». Неосознанная игра за компьютером начинает приобретать неосознаваемый целенаправленный характер и устойчивая потребность в игре пока не сформирована. Содержание второй стадии —

это увлеченность процессом игры. Доминирующая мотивация здесь – мотивация, вызванная потребностью бегства от реальности. Появляется систематичность игры. Последняя стадия предполагает уже зависимость, где происходят серьезные изменения в ценностно-смысловой сфере ребенка, а именно изменение в самосознании и самооценке, вытеснение игрой реального мира [2].

Для подтверждения теоретических данных по изучаемой проблеме нами были адаптированы методики для выявления компьютерной зависимости А. Р. Дроздикова-Зарипова, А. Р. Шакурова, тест К. Янга на выявление уровня компьютерной зависимости, анкета на выявления специфики компьютерной зависимости. Базу нашего исследования составило МОАУ «средняя общеобразовательная школа № 25 города Орска», в количестве 20 подростков. В ходе диагностического исследования мы выявили тенденцию увеличения Интернет-аддикции у современных подростков. Предложенные Кимберли Янг симптомы интернет-зависимости: навязчивое желание проверить e-mail; постоянное ожидание следующего выхода в интернет; жалобы окружающих на то, что человек проводит слишком много времени в интернет; жалобы окружающих на то, что человек тратит слишком много денег на интернет [1, с. 85]. У подростков, принимавших участие в нашем исследовании, наиболее ярко проявлялись первые два симптома. 7 % подростков говорили о том, что на интернет-игры они готовы тратить деньги в первую очередь. Интернет-зависимые подростки характеризуются такими особенностями организации активности в Интернет, как азарт, отсутствие границ времени, множественность «образов Я», обеспеченная слиянием трех «Я»: «Я-реальное», «Я-идеальное», «Я-виртуальное» [1, с. 86].

Результаты нашего исследования позволили сделать выводы об уровне компьютерной зависимости у учащихся подросткового возраста. Первая методика (тест К. Янга) показала, что 15 % опрошенных не имеют компьютерную зависимость, 75 % опрошенных находятся на стадии увлеченности, 10 % опрошенных имеют компьютерную зависимость. Вторая методика показала, что 10 % опрошенных имеют высокий уровень компьютерной зависимости, 55 % опрошенных имеет средний уровень компьютерной зависимости, 35% опрошенных имеют низкий уровень компьютерной зависимости.

Библиографический список

1. Мантрова, М. С. Развитие «образа Я» современных подростков: дис. к. пед. наук : 13.00.01 / М.С. Мантрова. – Оренбург, 2013. – 261с.
2. Наумова, Т. А. Образ «Я» Интернет-зависимых и интернет-независимых социальных агентов в виртуальном пространстве: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Т. А. Наумова. – Ижевск, 2007. – 18 с.

ЗАБЫВАНИЕ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

А. С. Малышевская

*Студент,
Филиал Московского государственного
университета в г. Севастополе,
г. Севастополь, Россия*

Summary. Defines the process of forgetting information. The process of forgetting is considered at the cellular and molecular levels. The argument of the positive and negative influence of the forgetting process on the human psyche is given.

Keywords: process of forgetting; information reproduction; memory; mnestic processes.

В формировании и осуществлении высших психических функций человека важнейшее значение имеют процессы фиксации, хранения и воспроизведения информации, получаемой из окружающего мира. Однако значительная часть информации со временем забывается. Забывание есть ошибочное узнавание, припоминание или невозможность узнать, припомнить что-либо [1]. Вопрос значимости забывания актуален на сегодняшний день как среди нейробиологов, так и среди психологов. Причиной является резкий контраст успехов в расшифровке механизмов памяти на молекулярном и клетчатом уровне и неопределенность во мнении о степени значимости процесса забывания на жизнь человека.

Потеря доступа к запомненному материалу впервые исследовалась Г. Эббингаузом, экспериментально установившим зависимость сохранения в памяти бессмысленного материала, дополнилась интерференционными теориями Б. Андервуда и Д. Серасо, утверждениями Р. Аткинсона о связи между формированием долговременной памяти и забыванием, и другими учеными.

Для определения характера влияния мнестических процессов на жизнь человека необходимо рассмотреть закономерности их протекания в рамках нейрофизиологической науки. На молекулярном уровне механизмы памяти характеризуются специфическими изменениями нуклеиновых кислот в клетке, вырабатывающей нервные связи. Изменения в молекулах ДНК связаны с долговременной памятью, РНК – с оперативной [3]. На клеточном уровне наблюдается образование, закрепление, возбуждение или торможение связей между нейронами различных частей головного мозга. Этим физиологическим процессам соответствуют нервные связи в таламогипоталамическом комплексе (наследственная память), лимбической системе (подсознательно-субъективный опыт индивида), неокортексе (сознательно-произвольная деятельность), лобных долях мозга (словесно-логическая память) и т. д. [2]. Нервные связи формируются в две фазы. Первая – удержание возбуждения, вторая – его закрепление и сохранение

за счет биохимических изменений в клетках коры головного мозга и в синапсах. Однако в то время, как воспроизведение и актуализация необходимого материала требует возникновения нервных связей, процесс забывания, в основном, характеризуется их угасанием.

Представители психологической науки сформулировали достаточно теорий и предположений о значимости процесса забывания, однако единое мнение не было достигнуто. В связи с этим в психологии была поставлена задача ответить на такие вопросы, как: «Можно ли вспомнить забытое?» и «Можно ли действительно забыть незабываемое?». Исходя из этих вопросов, среди ученых сформировалось два фронта сторонников положительного и отрицательного значения процесса забывания.

Аргументы, выявляющие положительное влияние забывания на человека, сводятся к следующим:

1. Эволюция ЦНС обеспечила возникновение закономерного процесса на этапе забывания: не используемые циклы памяти в головном мозге вытесняются новыми, более значимыми. Ненужная информация самоликвидируется. Исчезновение какого-либо информационного цикла приводит к значительной экономии энергии. Процессы, приводящие к меньшим затратам энергии мозга, препятствуют перегреву, обеспечивают усвоение новой способствующей выживанию информации, что в рамках естественного отбора определяется как успех [4].

2. Забывание обеспечивает стирание из памяти воспоминаний детского возраста. Очевидно, явление «детской амнезии» позволяет ребенку усваивать огромные объемы информации с экономией собственных ресурсов, перерабатывая её конвейерным способом.

3. Забывание носит лечебный характер, обеспечивает переживание стрессов, являясь настоящей «разгрузкой».

4. Процесс забывания обеспечивает стирание ненужной информации, избавляясь тем самым от не активирующихся длительное время нервных связей.

5. Забывание помогает человеку подсознательно расставить приоритеты в собственных желаниях и проигнорировать те, самореализация в которых не несет никакой ценности для самого человека.

Аргументы, выявляющие отрицательное влияние забывания на человека, сводятся к следующим:

1. Процесс забывания сопровождается утратой определенных нервных связей, что сопровождается частной деградацией систем связей головного мозга.

2. Забывание важных вещей доставляет определенный дискомфорт человеку, нередко является психическим заболеванием.

3. Такие высшие психические функции, как внимание, мышление и т.д., закономерно тормозятся в уровне развития при часто забывании, что способствует меньшей сопротивляемости особи в естественном отборе [4].

4. Забывание сопровождается постепенным искажением информации, хранящейся длительное время, тем самым, подменой образов, нарушая целостный и адекватный анализ воспоминаний человека.

Для личности забывание имеет не только отрицательное, но и положительное значение. Так, иногда утрата ценных знаний может нести значение настоящей разгрузки. Каждая жизненная ситуация требует запаса соответствующих для нее знаний. Изначально ограниченная энергия человеческого головного мозга может оставить без внимания какие-либо знания из «головной библиотеки», не использующиеся в данный момент или длительное время. Это и есть загадочный и малоизученный процесс забывания. Более того, единое целое аргументов «за» и «против» можно свести к одному общему закону, из которого и строятся доказательства: для экономии энергии человеческий мозг забывает все то, что ему не нужно, приобретая тем самым возможность получить то, что ему нужно.

Библиографический список

1. Гиляров М. С., Бабаев А. А., Винберг Г. Г., Заварзин Г. А. Биологический энциклопедический словарь. - М.: Сов. Энциклопедия, 1986. – 345 с.
2. Шутьковский В. В. Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии. - М.: Академия, 2008. - 528 с.
3. Картер Р. Как работает мозг. – М.: АСТ: Corpus, 2014. – 224 с.
4. Вартоян Г. А., Ашмарин И. П., Бородкин Ю. С., Будзен П. В. Механизмы памяти. - Л.: Наука, 1987. - 432 с.

III. PERSONALITY AS AN OBJECT OF MODERN PSYCHOLOGICAL RESEARCH

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИНСКОГО ОТНОШЕНИЯ К РЕБЕНКУ С ОЛИГОФРЕНИЕЙ

А. А. Федорова
А. Ю. Исаева

*Кандидат психологических наук, доцент,
студентка,
Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова,
Медико-психолого-социальный институт,
г. Абакан,
Республика Хакасия, Россия*

Summary. Psychological features of maternal relations in families with a child? having a diagnosis of oligophrenia.

Keywords: maternal attitude; oligophrenia; mental deficiency; mental retardation.

Изучение проблемы материнского отношения к детям, имеющим в диагнозе олигофрению, актуальна, на наш взгляд. Условия воспитания в семье не всегда являются благоприятными для развития ребенка. Если воспитать нормального полноценного ребенка очень сложно, то воспитание ребенка с проблемами в развитии представляется особенно ответственным и трудным. Матери несут эту ответственность перед своим ребенком и перед обществом.

Зачастую матери сталкиваются с проблемой нехватки материала, который бы помог правильно выстроить процесс воспитания такого ребенка. Проблемой детско-родительских отношений занимались как зарубежные, так и отечественные ученые. Среди отечественных ученых данной проблемой занимались А. А. Бодалёв, М. И. Буянов, А. Я. Варга, А. И. Захаров, М. И. Лисина, Н. К. Радина, В. В. Столин, С. П. Тищенко, С. Г. Якобсон и др. За рубежом этой занимались Э. Эриксон, К. Хорни, Р. У. Ричардсон, Т. А. Думитрашку, П. К. Керш, В. Сатир, П. Скин, К. Бейкер, Л. Берг-Кросс, Б. Е. Робинсон.

Объект исследования: материнское отношение к ребенку младшего школьного возраста.

Предмет исследования: особенности материнского отношения к ребенку младшего школьного возраста с олигофренией.

Цель исследования: состоит в изучении материнского отношения к ребенку младшего школьного возраста с олигофренией.

Задачи исследования:

1. Изучить научную литературу по проблеме материнского отношения к ребенку младшего школьного возраста с олигофренией;
2. Исследовать материнское отношение к ребенку младшего школьного возраста с олигофренией;
3. Исследовать материнское отношение к ребенку младшего школьного возраста с нормой развития;
4. Сравнить особенности материнского отношения в семьях, имеющих ребенка младшего школьного возраста с олигофренией, и в семьях, имеющих ребенка младшего школьного возраста с нормой развития.

Гипотеза исследования: предположим, что материнское отношение к ребенку младшего школьного возраста с олигофренией и к ребенку младшего школьного возраста с нормой развития будет отличаться:

1) матери ребенка с олигофренией будут демонстрировать такие типы поведения, как «маленький неудачник», «гиперопека» и «отвержение», а матери ребенка с нормой развития будут демонстрировать такие типы родительского отношения, как «симбиоз», «принятие» и «кооперация»;

2) матери, воспитывающие ребенка с олигофренией, могут иметь некоторую эмоциональную дистанцию с ним; у них будет преобладать минимальность санкций, запретов для своего ребенка, у матерей, воспитывающих ребенка с нормой развития, будет преобладать строгость санкций, чрезмерность требований, запретов;

3) для матерей ребенка младшего школьного возраста с олигофренией легкой степени характерны: излишняя концентрация внимания на ребенке, а для матерей, имеющих ребенка с нормой развития, оптимальный эмоциональный контакт.

Методологическая основа исследования: концепция детско-родительских отношений А. Я. Варга и В. В. Столина (1987).

Методы исследования:

1. Теоретический анализ литературы;
2. Эмпирические методы: тест-опросник родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столина), опросник «Анализ семейного воспитания» (Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкого), методика изучения родительских установок (PARI), (Е. С. Шефер и Р. К. Белл);
3. Метод математической статистики (U-критерий Манна-Уитни).

Выборка исследования: 30 матерей, имеющих ребенка младшего школьного возраста с олигофренией и 30 матерей, имеющих ребенка младшего школьного возраста с нормой развития.

Результаты исследования особенностей материнского отношения к детям младшего школьного возраста с олигофренией и нормой развития.

Анализ родительского отношения показал, существуют статистически значимые различия у матерей, воспитывающих детей с умственной от-

сталостью и матерей, воспитывающих ребенка с нормой развития. Матери детей с олигофренией чаще воспринимают своих детей неудачливыми, неприспособленными ($p \leq 0,05$) по сравнению с матерями, воспитывающими детей с нормой развития. Матерям кажется, что дети не добьются успеха в жизни из-за небольшого ума, дурных наклонностей и низких способностей. В большей части матери испытывают к ребёнку досаду, злость, обиду, раздражение. В то время как, матерям детей с нормой развития в большей степени, нравится ребенок таким, какой он есть, она симпатизирует ему, уважает индивидуальность ребенка, одобряет его планы и интересы.

По шкале «кооперация» матери, воспитывающие детей с нормой развития, чаще демонстрируют высокий уровень выраженности проявления заинтересованности в успехах, в стремлении включаться в общие виды деятельности, в дела собственного ребенка, оказывать ему помощь ($p \leq 0,05$). В то время, как матери, имеющие детей с умственной отсталостью, мало заинтересованы в делах и планах детей, мало сочувствуют им, недооценивают его интеллектуальные и творческие способности, не испытывают чувства гордости за них. Они мало поощряют инициативу и самостоятельность детей, не стараются быть с ними на равных, не стараются встать на его точку зрения в спорных вопросах.

По шкале «гиперопека» матери ребенка с олигофренией чаще требуют от детей безоговорочного послушания и дисциплины ($p \leq 0,05$). Они не в состоянии встать на точку зрения детей. За проявления своеволия детей наказывают.

В проявлении отношения к неудачам ребенка матери детей с олигофренией чаще проявляют высокий уровень по данной шкале, чем матери ребенка с нормой развития ($p \leq 0,05$). Это значит, что матерям, имеющим детей с олигофренией, в большей мере свойственно приписывать своим детям личную и социальную несостоятельность. Матери не доверяют детям, досадуют на их неуспешность и неумелость и в связи с этим стараются оградить его от трудностей в жизни и строго контролировать действия.

Анализ изучения родительских установок показал что, в отличие от матерей детей с нормой развития, у матерей умственно отсталого ребенка излишняя концентрация на ребенке ($p \leq 0,05$), она может излишне опекает ребенка, проявлять о нем чрезмерную заботу, стремиться обеспечить его безопасность. Также, в отличие от матерей детей с нормой развития, у матерей, воспитывающих ребенка с олигофренией, излишняя эмоциональная дистанция ($p \leq 0,05$), они испытывают раздражение по поводу ребенка, считают свою жизнь принесенной ему в жертву. Для матерей характерно подавление воли ребенка, стремление ограничить его самостоятельность, контролировать его поведение, предотвращать возможные плохие поступки, принимать за него все решения.

Матери, воспитывающие ребенка младшего школьного возраста с нормой развития, проявляют положительное отношение к своему ребенку

($p \leq 0,05$), уделяют ему много сил и времени. Неудачи ребенка, воспринимаются как случайные, и ребенок не несет наказание за невыполнение требований матерей. У матерей нет отношения зависимости от ребенка, они самостоятельны в роли матери, выстраивают с ребенком партнерские отношения.

Анализ семейного воспитания в семьях с ребенком, имеющим диагноз олигофрения, и семьях с ребенком с нормой развития, свидетельствует о том, что у матерей, воспитывающих умственно отсталого ребенка, в стиле воспитания в большей степени проявляется гиперпротекция ($p \leq 0,05$), то есть, матери уделяют своему ребенку крайне много сил, времени и внимания, воспитание является главным в их жизни.

У матерей, воспитывающих ребенка с нормой развития, чаще проявляется чрезмерность требований и санкций ($p \leq 0,05$), требования к ребенку, очень велики, непомерны, не соответствуют его возможностям, не только не содействуют развитию его личности, а, напротив, ставят его под угрозу. Такие матери, как правило, осознают, что ребенок очень загружен, но не видят чрезмерности нагрузки.

Следует заметить, что у матерей, воспитывающих ребенка с олигофренией, наоборот, наблюдается недостаточность требований и санкций ($p \leq 0,05$), в этом случае ребенок имеет минимальное количество обязанностей в семье. Данная особенность воспитания проявляется в высказываниях матерей о том, что трудно привлечь ребенка к какому-нибудь делу по дому.

Для матерей, умственно отсталого ребенка в большей степени характерна воспитательная неуверенность в себе ($p \leq 0,05$), они «идут на поводу» у ребенка и уступают им даже в тех вопросах, в которых уступать не считают нужным.

Также, матерям, воспитывающим ребенка с олигофренией, чаще свойственна фобия утраты ребенка ($p \leq 0,05$), это проявляется в повышенной неуверенности, боязни ошибиться, преувеличенном представлении о болезненности ребенка.

В результате исследования были получены следующие **выводы**:

1. Матери детей с олигофренией чаще воспринимают своих детей неудачливыми, неприспособленными, они недостаточно заинтересованы в планах детей, требуют от детей безоговорочного дисциплины и послушания, недооценивают его творческие и интеллектуальные способности. Преобладающие типы родительского отношения – гиперопека и маленький неудачник. В то время, как матерям детей с нормой развития нравится ребенок таким, какой он есть, они проявляют интерес к успехам своего ребенка. Преобладающий тип родительского отношения – симбиоз.

2. Родительские установки у матерей умственного отсталого ребенка противоречивы. С одной стороны, мать может испытывать раздражение по

поводу него, с другой – излишне опекать ребенка. А матери ребенка с нормой развития, чаще проявляют положительное отношение к своему ребенку.

3. Матери, воспитывающие ребенка с нормой развития, проявляют чрезмерность санкций и требований, требования к ребенку очень велики. У матерей, воспитывающих ребенка с олигофренией, наоборот, наблюдается недостаточность санкций и требований, в этом случае ребенок имеет минимальное количество обязанностей в семье. Им в большей степени характерна воспитательная неуверенность в себе, такие матери «идут на поводу» у ребенка. Матерям, воспитывающим ребенка с олигофренией, в отличие от матерей, воспитывающих ребенка с нормой развития, свойственна фобия утраты ребенка, это проявляется в боязни ошибиться и повышенной неуверенности.

Библиографический список

1. Агавелян О. К. Общение детей с нарушениями умственного развития: Дис. ... д. психол. наук. М., 2010.
2. Корчагина Е. «Умственно отсталые дети» www.pedagogics.ru
3. Сорокин В. М. «Характер длительных эмоциональных переживаний родителей, воспитывающих детей-инвалидов // Социальное и душевное здоровье ребенка и семьи: защита, помощь, возвращение в жизнь» М., «Заря» 1998.
4. Синягина Н. Ю. «Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений» М.: "Владос", 2002
5. Тингей - Михэлис К. «Дети с недостатками развития» М., «Вече» 2003

IV. THE PRINCIPLES, CRITERIA AND METHODS OF PSYCHOLOGY

ПРОБЛЕМА ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА И ТРУДНОСТИ В ОБЩЕНИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Г. Н. Иксанова

*Заведующий,
Филиал государственного
казенного учреждения,
Республиканская психолого-медико-
педагогическая комиссия,
Сибайская зональная психолого-медико-
педагогическая комиссия,
г. Сибай,
Республика Башкортостан, Россия.*

Summary. Different views of Russian and foreign scientists on adolescence are described in the article as a "transitional" period from Childhood to adulthood. We consider communication and difficulties in it during the period of growing up. The author's view of the problem of communication difficulties in adolescence is presented.

Keywords: adolescent; transitional age; communication; difficulties in communication.

В детской психологии сложились некоторые общепринятые периоды развития человека, когда происходят крупные возрастные изменения. Подростковый возраст, учеными и практиками единодушно считается одним из самых «трудных», «кризисных». Это переходный период, когда происходит бурное преобразование личности ребенка, что влечет за собой значительные преобразования во всех видах деятельности: поведении, общении, во взаимоотношениях. Л. Ф. Обухова отмечает, что согласно взглядам Л. С. Выготского [3], подростковый возраст – это самый неустойчивый и изменчивый период, который отсутствует у дикарей и при неблагоприятных условиях " имеет тенденцию несколько сокращаться, составляя часто едва приметную полоску между окончанием полового созревания и наступлением окончательной зрелости "» [8, с. 321]. По Л. С. Выготскому выделяются следующие направленности изменений: социальный, органический и половой. Подростковый возраст часто называют пубертатным [3], когда имеют ввиду только половое созревание. Однако необходимо учитывать не только физиологические (биологические) изменения в подростковом возрасте, когда созревают репродуктивные, организмические и другие функции организма.

Включение подростка в мир взрослости из мира детства проходит в несколько определенных этапов или фаз созревания. Учеными-

исследователями отмечается, что у современных детей произошли значительные преобразования, связанными с этапами созревания. Так, вначале наблюдается половое созревание, затем органическое и только потом социальное. Тогда как в прошлом, происходило одновременное созревание по половому и социальному признаку, затем органическому [8]. Существует мнение о том, что чем более развито сообщество, в котором живет отрок, тем длиннее отрезок между биологическим созреванием и социальным становлением личности [6].

Обращаясь к опыту исследований в прошлом, еще во второй половине XX века, ученые-психологи (Э. Эриксон) стали придавать большое значение в развитии личности подростка – влиянию среды, внешней духовной атмосферы общества, в котором он живет и развивается [13]. Уникальные исследования М. Мид и других ученых показали, как общество и сообщество влияет на развитие личности [7]. В современном обществе, где наблюдается определенная политическая и экономическая стабильность, то есть имеются благоприятные условия для развития, в том числе и семейные, подростку предоставляется большой отрезок времени как для индивидуального, так и для социального становления.

Продолжая обозначать направленности созревания личности, о которых говорилось выше, [3] имеет смысл отметить психологическую зрелость, которая начинает формироваться в детстве, а в подростковом возрасте принимает более осознанный характер. Ответственность, социальную подчиненность и регуляцию поведения, а также приоритет мотивов и ценностей, характерных для взрослого человека, возможно увидеть, в период ее становления, уже в подростковничестве.

Изучая тот или иной возраст, мы стремимся обозначить самое главное, что присуще данному периоду человеческой жизни. Грань, где начинается бурный рост изменений и преобразований, определяется периодом кризиса. Известно, что в психологии выделяются кризис 3-х лет, 7-ми лет, 13-ти лет. Так называемый подростковый «переходный» возраст охватывает достаточно длительный промежуток времени от 10–11 лет до 20–24 лет. В этот период, по известной теории Ж. Пиаже, формируется программа жизни, а период взросления сопровождается планами на будущее, когда мечты связаны с преобразованием общества, спасением мира и др. Трудности и препятствия, с которыми сталкивается подросток, способствуют быстрой социализации и адаптации в обществе [9].

Л. И. Божович отмечает, что процесс созревания личности только-только начинается у подростка, происходит лишь глобальная перестройка отношения к миру и к самому себе. Дальше у каждого начнется свой путь развития и формирования личности и, как отмечает автор, следование будет идти не по возрастным изменениям, а в соответствии с индивидуальными особенностями психики [1, с. 214].

Болезненность и трудности, переживаемые в подростковом возрасте, в психологии отмечается многими авторами. М. Ф. Обухова, характеризуя возраст, приводит замечание Ш. Бюлер: «Всюду воспринимается прежде всего отрицательное». Подросток, чувствует себя одиноким, чужим, непонятым в окружающей его действительности [8, с. 329]. Подростку присущи два вида поведения: «пассивная меланхолия» и «агрессивная самозащита», но это в начале так называемой фазы [2]. Затем, наступает душевный рост, успокоение и радость юности от мощи новой энергии. Ко всему присоединяется любовь, чувство, дающее возможность выходу переживаний и напряжению [8, с. 329].

Отечественные ученые, как отмечает Гамезо [4], не имеют единого мнения по ведущему виду деятельности в подростковом возрасте. Д. Б. Эльконин [11] говорил об интимно-личностном общении, Д. И. Фельдштейн [12] называл общественно полезную деятельность, В. В. Давыдов [5] – общественно значимую деятельность [4, с. 172]. При этом сам автор считает важным в подростковом возрасте общественно полезную деятельность. Социальные отношения развиваются, самоактуализируются, осознаются и преобразуются внутренние идеалы. Подросток ощущает себя социально значимым и, как следствие, повышается его социальная активность. Вот что пишет известный ученый Л. Ф. Обухова о ведущем виде деятельности подростка, «Что становится главным для подростка в школе? Дети общаются, их отношения строятся на кодексе товарищества, полного доверия и стремления к взаимопониманию. В этот период учебная деятельность для подростка отступает на задний план. Центр жизни переносится из учебной деятельности, хотя она остается преобладающей, в деятельность общения. Главное происходит на переменах. Туда выплескивается все самое сокровенное, сверхсрочное, неотложное» [8, с. 339].

Общение у подростков стоит на первом месте. Взаимодействие со сверстниками носит постоянный характер, как потребность, которая требует удовлетворения. В среде своих сверстников, подросток стремится чувствовать себя взрослым, имеет возможность испытать свои коммуникативные возможности, познает себя и окружающих. Однако, трудности в общении нередки. Они могут быть вполне закономерными, связанными непосредственно с переходным периодом, а могут нести тяжелый, затяжной характер. Ясно, что ни те, ни другие, не пройдут бесследно.

Исследования А. Г. Самохваловой показали, что затрудненное общение у детей порождает вариативные последствия в онтогенезе [10]. Преодоление коммуникативных трудностей детьми и подростками, зачастую отражаются на формирующейся личности, на познавательном развитии ребенка. Глубокие, внутренние переживания могут отразиться на коммуникативном поведении ребенка. Поэтому в настоящее время актуально

формирование у детей специалистами конструктивных форм общения, умений самоанализа имеющихся проблем в общении.

В нашем исследовании, посвященном в выделении основных факторов влияния трудностей в общении у подростков, затрудненное общение изучается в различных аспектах. В духе времени, когда современные подростки предпочитают общение посредством гаджетов, телефонов, айфонов, компьютеров, имеющих выход в виртуальное коммуникативное пространство – Интернет, отдельно рассматривается виртуальный аспект общения. Индивидуальные особенности общения детей и подростков, связанные с преодолением трудностями в реальном общении, рассматриваются еще и в виртуальном общении.

Библиографический список

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 1993.
2. Бюлер Ш. Что такое пубертатный период // Психология подростка: хрестоматия / сост. Ю. И. Фролов. – Москва: Российское педагогическое агентство, 1997. – С.9-19.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология /Под ред. Д. Б. Эльконина.- М.: Педагогика, 1984.- 432 с.
4. Гамезо М.В. и др. Возрастная психология: личность от молодости до старости. – М., 1999.
5. Давыдов В. В. и др. Возрастная и педагогическая психология : учеб. для студентов пед. ин-тов / В. В. Давыдов, Т. В. Драгунова, Л. Б. Ительсон и др.; под ред. А. В. Петровского. - Изд. 2-е , испр. и доп. - М. : Просвещение, 1979. - 287, [1] с. - Библиогр.: с. 286.
6. Марциновская Т. Д. Психология развития. – М.: Академия, 2007. – 528 с.
7. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. с. 429.
8. Обухова Л. Ф. Детская (Возрастная) психология. – М., 1996.
9. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М., 1969.
10. Самохвалова А. Г. структурно-динамическая концепция затрудненного общения в онтогенезе ребенка /диссертация на соискание уч. степени д-ра пс. наук, КГУ. Кострома. 2015. – 673 с.
11. Фельдштейн Д. И Мир Детства в современном мире (проблемы и задачи исследования) /Д. И. Фельдштейн /Д. И. Фельдштейн. – Воронеж: Модек, 2013. – 335 с.
12. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
13. Эриксон Э. Детство и общество: пер. с англ. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.

V. FEATURES OF INTERACTION AND RELATIONSHIPS IN SOCIAL GROUPS

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРЕНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С КОМАНДАМИ ИГРОВЫХ ВИДОВ СПОРТА

Е. А. Иващенко

*Кандидат наук
по физическому воспитанию и спорту,
Днепропетровский государственный
аграрно-экономический университет,
г. Днепр, Украина*

Summary. This article is dedicated to sportsman's social – psychological orientation as team member, determines his relationship with other team members and with the coach. It discovers interrelation between the structure of temperament and group differentiation in team. The purpose of this article is extension of information about sportsmen psychological, physical and sport training during studying – training process. 147 qualified sportsmen took part in this research: (Master of sports – 5 persons, Candidate for Master of Sport – 27 persons, First – class sportsmen – 104 persons, Second – class sportsmen – 11 persons, juniors 18-21 years old, team sports members(basketball, volleyball, mini football, handball) in Dnipropetrovsk oblast.

Keywords: personality; efficiency; interaction; characterological manifestations; interpersonal relationships.

Подготовка спортсменов в игровых видах спорта (волейбол, баскетбол, гандбол, мини-футбол) представляет собой сложный педагогический процесс. Он постоянно совершенствуется. Одно из важных направлений такого совершенствования – внедрение системного подхода.

Системность в подготовке спортсменов в игровых видах спорта проявляется очень разнообразно. Как систему мы рассматриваем подготовку в многолетнем аспекте: от начального отбора детей 10–12 лет, до подготовки команд высших разрядов – период деятельности 15–20 лет. Если рассматривать организацию процесса подготовки игроков с точки зрения тех подразделений, в которых осуществляется работа, то ее составляют: школьные спортивные секции, секции при различных спортивных клубах, школы-интернаты спортивного профиля, ДЮСШ-выпускники которых составляют сборные команды высших учебных заведений, представляющих интересы вуза на соревнованиях различных уровней. В состав сборных команд с игровых видов спорта в высших учебных заведениях входят игроки разной квалификации, что усложняет работу тренера-преподавателя с учетом системы учебно-тренировочного процесса, который имеет лимит времени.

Поэтому управление тренера командой должно быть целенаправленным. Цель управления процессом подготовки игроков может быть определена как конечное состояние системы многолетней подготовки игроков (модельные характеристики), которые нужно обеспечить на данной стадии управления. Управление не может быть эффективным без информации о состоянии управляющей системы [3].

Важное значение имеет критерий эффективности, то есть умение оценить качество управления. В практике традиционно сложилось мнение, что критерием эффективности подготовки является результат соревнований, место, которое команда заняла на том или ином соревновании. Спортивный успех обычно также творческое мышление, которое проявляется тогда, когда спортсмен обдумывает тактику будущего спортивного поединка, создает новые тактические приемы, отрабатывает новую к этому никем не используемую стратегию. Обычно – это результат совместных усилий, глубоких размышлений тренера, спортсмена и команды в целом [4].

Соревнования – необходимое условие, в котором проявляется результативность и талантливость в спорте, то, что наиболее интересно в нем.

В спортивных играх управленческие функции тренера могут осуществляться только при полуминутных перерывах, замен, в перерывах между партиями. Других каналов, по которым возможна передача информации от тренера, во время соревнований нет. Тем не менее соревнования продолжается довольно долго, и такой кратковременной информации, особенно в спортивных играх, недостаточно для решения задач со многими неизвестными в процессе взаимодействия группы спортсменов при активном противодействии соперников [2]. В спортивных играх координация группового управления в процессе соревнования осуществляется путем взаимочередующихся коррекций, а также благодаря приспособлению к лидеру. Поэтому одной из важных проблем группового управления, и в частности управление тактическими действиями в ходе соревновательной борьбы – проблема лидерского поведения.

Именно поэтому мы поставили перед собой цель проанализировать проблему лидерства в современной системе подготовки квалифицированных спортсменов в игровых видах спорта. Для реализации цели исследования нами были использованы следующие методы: – теоретический анализ и обобщение данных специальной литературы и опыта передовой практики по проблеме исследования; – психологические исследования: оценка симптомокомплекса экстраверсии-интроверсия и нейротизма (эмоциональная стабильность) по методике факторного анализа Айзенка, и социометрический метод Дж. Морено для диагностики межличностных отношений на основе субъективных предпочтений [1]; – методы математической статистики.

Результаты психологического тестирования свидетельствуют о том, что спортсменам с игровых видов спорта различной квалификации отно-

сятся все формы социально-поведенческих проявлений, а также все типы нервно-психической устойчивости личности. На основе представленного анализа характерологических проявлений личности спортсменов игровых видов спорта (табл. 1) можно утверждать, что у игроков наблюдается тенденция к закреплению дружелюбно-подвижного типа характерологических проявлений. Между тем можно видеть менее отчетливую тенденцию к закреплению дружелюбно-уравновешенного и сдержанно-подвижного, несдержанно-уравновешенного типов характерологических проявлений. При этом у игроков (баскетбол, волейбол, гандбол, мини-футбол) различной квалификации (Шр. – МС) встречаются отдельные случаи закрепления дружелюбно-неуравновешенного, сдержанно-неуравновешенного, несдержанно-подвижного типов характерологических проявлений.

Таким образом, результаты психологического тестирования говорят о том, что процесс многолетнего спортивного совершенствования накладывает определенный отпечаток на характерологические проявления личности спортсмена.

С помощью диагностики межличностных отношений на основе полученных членом группы числа субъективных выборов мы определили индивидуальный социометрический статус индивида (лидер, ведомый, отвергнутый, изолированный), структуру межличностных взаимоотношений, сплоченность группы.

Таблица 1.

**Результаты психологического тестирования,
раскрывающие особенности характерологических проявлений личности
квалифицированных спортсменов с игровых видов спорта**

№ н/п	Характерологические проявления личности спортсменов (%)	Вид спорта			
		волейбол	мини-футбол	гандбол	баскетбол
1.	Дружелюбно-подвижный	55,6	40,6	31,3	40
2.	Дружелюбно-уравновешенный	22,2	31,2	37,5	28,6
3.	Сдержанно-подвижный	2,8	6,3	9,4	8,5
4.	Сдержанно-уравновешенный	-	6,3	12,5	5,7
5.	Дружелюбно-неуравновешенный	8,3	3,1	-	-
6.	Сдержанно-неуравновешенный	-	-	3,1	2,9
7.	Несдержанно-уравновешенный	2,8	3,1	3,1	5,7
8.	Несдержанно-подвижный	-	3,1	-	2,9
9.	Несдержанно-неуравновешенный	2,8	-	-	-

При сравнении результатов психологического тестирования, раскрывающих особенности характерологических проявлений личности игроков различной квалификации, с результатами социометрического метода (рис. 2), можно отметить, что характерологические проявления личности лидеров преимущественно дружелюбно-подвижный (45 %), менее дружелюбно-уравновешенный (37 %), а очень низкие показатели в сдержанно-неуравновешенного (11 %) и несдержанно-неуравновешенный (7 %) типы поведения.

Таким образом, на основе результатов наших исследований можно заключить, что у спортсменов с игровых видов спорта практически не закрепляются крайние проявления типичных форм поведения, характеризующих скованность и несдержанность. Наибольший удельный вес у спортсменов приобретают средние типичные формы поведения, которые характеризуются общительностью и сдержанностью. Результаты исследований свидетельствуют также о том, что у лидеров в наибольшей степени закреплены признаки уравновешенного и подвижного типов нервно-психического возбуждения.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что сущность игровых видов спорта предъявляет специфические требования к проявлению характерологических свойств личности квалифицированных спортсменов. Поэтому в основу исследования положено предположение, согласно которому, целенаправленная работа по выявлению преобладающего типа поведения квалифицированных спортсменов в игровых видах спорта может яв-

ляться эффективным фактором развития лидерских проявлений в процессе соревновательной деятельности, и на этой основе способствовать росту спортивных достижений, кроме этого, можно предположить, что углубление знания тренера-преподавателя про взаимоотношения в социальных группах позволит рационально использовать коллектив как инструмент воспитания.

Библиографический список

1. Вейнберг Р. С., Д. Гоулд. Психология спорта: Підручник / Р.С. Вейнберг. – Київ: Олімпійська література, 2001. – С. 110–150.
2. Воробьев М. И. Роль личностных качеств в прогнозировании психологической совместимости спортсменов в командах / М.И. Воробьев, С.С. Брынзак // Спортивный психолог. – 2009.- №2 (17). – С. 19-23.
3. Рашел Б. Спортивная психология – ключ к спортивному совершенству. Зарубежные научные исследования: Тем. подборка. Вып. 6. М., 1992. С. 3-28.
4. Платонов В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения: ученик тренера высшей квалификации / В. Н. Платонов. – М.: Советский спорт, 2005. – 820 с.

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В ЕС

Н. А. Медушевский

*Кандидат политических наук,
доцент,
Российский государственный
гуманитарный университет
(РГГУ),
г. Москва, Россия*

Summary. Many European societies today have become hostages of the migration crisis. This crisis erupted in 2013 and was associated with intensive migration from Africa and the Middle East. In this article, the author suggests that the population of several European countries experiences the Stockholm syndrome in relation to migrants, who settled near them.

Keywords: Stockholm syndrome; victim syndrome; migration; violence; hostage.

Одним из наиболее актуальных вопросов для современной Европы является вопрос неконтролируемой миграции. Начиная с 2013 года в страны Центральной и Северной Европы прибыли миллионы беженцев из Сирии, Ирака, Афганистана, Сомали и целого ряда государств Центральной Африки.

Приток огромного числа беженцев и нелегальных мигрантов заставил европейцев говорить о миграционном кризисе, разрешение которого, по мнению большинства экспертов, сопряжено с ограничением въезда на территорию ЕС мигрантов и трансформацией миграционного законода-

тельства и законодательства о беженцах в сторону ужесточения приграничного контроля и развития практики депортации.

Отдельные страны ЕС, например Венгрия, в разгар кризиса выбрали этот путь, однако принятое ими решение было негативно воспринято в Брюсселе и в столицах ведущих европейских государств, например, в Берлине, где высказались за продолжение миграционной политики и за прием нарастающего числа беженцев. В данной связи актуализировался вопрос о том, почему власти Германии и других государств Центральной Европы не пошли по пути жесткого контроля миграции, и почему общество этих стран продолжает в своем большинстве поддерживать такую «инертную» политику?

Вопрос, связанный с государственной политикой имеет несколько очевидных ответов. Так, например, мигранты являются дешевой рабочей силой, которая очень выгодна в условиях стагнирующей экономики.

Кроме того, для стран ЕС показательное интенсивное старение населения, и здесь опять миграция может способствовать восполнению населения. Можно представить также и другие аспекты, по которым миграция выгодна для правительств Германии, Франции, Нидерландов и других стран. Тем не менее, нерешенным остается вопрос, почему само общество этих государств, столь покорно воспринимает миграцию, которая, по большому счету, трансформирует привычный социальный порядок и снижает качество жизни европейцев. Показательными, к примеру, являются события в Кельне в канун 2017 года.

Тогда в ходе новогодних гуляний одновременно подверглись домогательству и сексуальному насилию или были ограблены мигрантами более 1000 женщин. Число нападавших превысило по оценкам полиции 1000 человек. В итоге практически никто не понес наказания, а Обербургомистр Кельна оправдала нападавших, связав их агрессию с провокацией участвовавших в гуляниях женщин и рекомендовала женщинам просто соблюдать дистанцию [4]. Не менее показательными стали события в других европейских городах, когда протесты и погромы мигрантов привели к тому, что власти отказались от установки новогодних елей и ограничили празднование Рождества [2].

При этом само немецкое общество не ответило на данную ситуацию агрессией и погромами, скорее наоборот, СМИ отражали только государственную позицию, а в сети Интернет появилась реклама средств пассивной защиты для женщин.

В целом данную ситуацию можно охарактеризовать как неадекватную и выходящую за пределы культуры толерантности даже в ее развитом немецком выражении. Определенные пояснения данной специфической ситуации, на наш взгляд могут быть даны с позиции психологической науки.

Психология имеет в своем понятийном аппарате специфический термин, который звучит как «синдром жертвы». «Синдром жертвы в психологии понимается как состояние человека, при котором он ищет виноватых в своих неудачах, оправдывая себя и обвиняя окружающих в плохом обращении» [3]. При этом жертва в ряде случаев даже получает определенное психологическое удовлетворение от демонстрации собственных страданий и от присущего ей статуса. В большинстве описываемых случаев у жертвы есть возможность прекратить свои страдания, но она не делает этого, так как ей комфортно в данном состоянии. Данный тип поведения характерен, прежде всего, для межличностных отношений, однако его проявления проявляются и на более широком социальном уровне. Так показателен широко известный сегодня «стокгольмский синдром», который проявляется в том, что жертва оправдывает своего мучителя, считая его поведение обоснованным, правильным и рациональным. Жертва отождествляет себя с ними, перенимая идеи мучителя и считая свою жертву необходимой для достижения правильной (истинной) цели [4].

«Данное название было дано явлению из-за случая, который произошел в 1973 году в Стокгольме, когда террорист захватил в заложники в банке четырех человек. После того как людей удалось освободить, они стали оправдывать захватчика, заявив, что боялись вовсе не террориста, а полицию» [4]. По мнению психологов «стокгольмский синдром» не является заболеванием, хотя и может быть отнесен к девиантному поведению. Фактически он представляет собой компенсаторную реакцию на стрессовую ситуацию, соотносимую с определенными условиями. Показательно что данный синдром наблюдался психологами преимущественно у представителей развитых обществ Европы, США и др. стран в тех случаях, когда они сталкивались с примитивной агрессией, в определенном смысле, ломающей принципы их стереотипированного поведения.

В нашем случае, применительно к европейскому обществу, возможно переосмысление принципа стокгольмского синдрома и экстраполяция данного принципа на широкие социальные группы. Так зажиточные европейцы, являющиеся носителями высокой социальной и правовой культуры, в 2010-е годы вступили в фазу активного взаимодействия с представителями азиатских и африканских этнических групп, не обладающих материальными ресурсами, не имеющими образования, мыслящими преимущественно религиозными постулатами. В результате данного столкновения, которое продолжается и сегодня, носители более простой и однозначной культуры (во многом культуры насилия) проявили инстинктивную агрессию, нацеленную на обозначение своего статуса. В тоже время реакция европейского общества была основана на высокоморальных принципах толерантности и сострадания, и как следствие, была воспринята приезжими как слабость, уязвимость. В итоге на сегодняшний день сформировалась ситуация, напоминающая ситуацию с захватом заложников, когда залож-

ников гораздо больше, чем террористов, но они подавлены, запуганы, их поведенческие стереотипы не соответствуют ситуации, и единственное, что им остается – это искать рациональное начало в поведении захватчиков, в надежде на то, что получив требуемое, террористы отпустят заложников не причинив никому вреда. Характерно, что, как и в ситуации с классическим стокгольмским синдромом, силы, выступающие за спасение заложников, в том числе насильственным способом, осуждаются как «эскалаторы конфликта», провоцирующие новое насилие.

Библиографический список

1. Бартол К. Психология криминального поведения. Olma Media Group, 2004. – С. 289. – 352 с
2. Новая реальность: мигранты диктуют Европе свои условия. 11.01.2016 URL: <http://allpravda.info/novaya-realnost-migranty-diktuyut-evrope-svoi-usloviya-6703.html>(дата обращения 26.09. 2017).
3. Синдром жертвы. URL: https://experimental-psychic.ru/sindrom_zhertvy/ (дата обращения 26.09. 2017).
4. Rund 1000 Silvester-Straftaten in vier NRW-Großstädten. Veröffentlicht am 20.01.2016 URL: <https://www.welt.de/regionales/nrw/article151138995/Rund-1000-Silvester-Straftaten-in-vier-NRW-Grossstaedten.html>(дата обращения 26.09. 2017).

VI. THEORETICAL AND PRACTICAL IMPLICATIONS OF THE PSYCHOLOGY OF RELIGION

ИСКУССТВЕННОСТЬ И АЛОГИЧНОСТЬ КРИТЕРИЕВ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ

В. Ю. Асланян

*Кандидат психологических наук,
Северо-Восточный государственный
университет,
г. Магадан, Республика Адыгея, Россия*

Summary. Sociological approaches of sampling criteria from the believers described in the article. We appoint the problem of using it in empiric researches practice in psychology of religion. Is being shown artificiality and illogicalness of these criteria for psychological studies.

Keywords: psychology of religion; religiosity; sampling criteria.

Формирование выборки – важнейший этап проведения исследования, напрямую влияющий на обоснованность получаемых результатов. На сегодняшний день в экспериментальной психологии описаны основополагающие требования к выборке, сформулированы правила ее формирования [3, 6]. И, несмотря на то, что «по объективным причинам крайне сложно соблюдать требования» [4, с. 32], критерии отбора испытуемых, респондентов, как правило, ясны и являются традиционными в классических отраслях психологии.

Иначе обстоит ситуация в вопросах формирования выборки при проведении эмпирических исследований в области психологии религии. Здесь исследователь должен прежде всего ответить на вопрос: «как определить принадлежность к той или иной религиозной группе?».

С. Б. Филатов и Р. Н. Лункин [11] описывают несколько традиционных подходов к выделению критериев религиозности. Наиболее распространенным является подход, основанный на так называемом этническом принципе. Этнической религия считается в том случае, если ее сторонниками является подавляющее большинство этноса на протяжении жизни нескольких поколений, и она играет важную, если не ключевую, роль в становлении этноса. Например, православие считается этнической религией русских, украинцев, белорусов, чувашей, карел, коми и др. народов. Католичество рассматривается в качестве этнической религии для всех лиц с польскими и литовским корнями. Ислам – для татар, чеченцев, лезгин и др.

Другой подход подразумевает опору на религиозную самоидентификацию индивида. В этом случае основополагающим становится принцип

культурной религиозности. Человек сам определяет свою религиозную принадлежность на основе нравственной, культурной или политической ориентации; подчеркивает особую ценность выбранного вероисповедания по сравнению с другими.

Третий подход строится на выявлении особенностей религиозной практики: ее частоты, многообразия форм, знания основ веры и сакральных текстов и т. д. В рамках данного подхода западные исследователи определяют религиозность на основе только одного вопроса: «Были ли Вы на богослужении в прошлое воскресенье?». Естественно, что данный вопрос для достоверности данных не задают респондентам после больших религиозных праздников. В частности, у христиан после Пасхи и Рождества. В отечественной традиции ярким примером такого подхода является «индекс воцерковленности» для православных верующих В. Ф. Чесноковой [12]. Он включает в себя оценку частоты посещения храмов, регулярность исповеди и причащения, знание и совершение церковных молитв, регулярность чтения Евангелия, соблюдение постов, наличие дома православной религиозной литературы, знание церковно-славянского языка, участие в церковной жизни. На основе полученной информации у исследователя есть возможность типировать верующих по пяти подгруппам в зависимости от степени воцерковленности.

Эти подходы были сформулированы в рамках социологии религии. И как отмечают сами социологи, многолетняя практика исследований показывает, что «данные о распределении населения по вероисповеданиям и особенно по степени религиозности крайне противоречивы» [9, с. 45] и не позволяют сделать обобщающих выводов о религиозных убеждениях. Они указывают на несовершенство методики определения религиозности, а именно, на несовершенство критериев формирования выборки. Респондент может считать себя верующим человеком, но при этом не знать основ веры, не соблюдать религиозные обряды, не участвовать в религиозной деятельности. Более того, верующий может часто посещать богослужения, знать молитвы, читать сакральные тексты, но при этом не обладать интериоризированными нормами религиозного поведения.

Как показывает анализ отечественных эмпирических исследований по психологии религии ученые-психологи при формировании выборки руководствуются в основном принципом культурной религиозности. К примеру, в исследовании смысложизненных ориентаций религиозной личности А. М. Двойнина выборка формируется из числа студентов Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета на том основании, что «идейным контекстом обучения студентов православного вуза являются ценности православной религии» [2, с. 146]. М. В. Ефремова и З. Х. Лепшокова, изучая взаимосвязь ценностей и экономических установок у российских студентов православного вероисповедания и мусульман-суннитов, отобрали данные только тех респондентов, которые «относили

себя к категории верующих людей» [5, с. 20]. В. А. Шорохова, О. Е. Хухлаев, С. Б. Дагбаева, рассматривая взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистов, сформировали выборку из ответов школьников, которые «идентифицировали себя как буддистов» [13, с. 68].

Возникает закономерный вопрос о методологической корректности применения такого рода социологических критериев при проведении психологических исследований. В процессе осмысления собственной эмпирической практики [1] и результатов коллег мы пришли к выводу, что подобные критерии формирования выборки отличает искусственность (в Амперовском смысле разделения классификации на искусственные и естественные). Они выделяют религиозность на основе наиболее заметных, но не существенных признаков. Они представляют религиозность в удобном для обозрения, запоминания исследователем виде, но не разделяют ее на основе «общих и существенных свойств различного характера: внешних и внутренних, явных и скрытых» [10, с. 33]. Внутренние признаки религиозности (значимость, психологический смысл религиозной практики для каждого конкретного человека, особенности религиозных переживаний) в принципе остаются за рамками исследования.

Перенесение таких подходов к выделению критериев формирования выборки в психологию религии может рассматриваться как алогичный шаг, т.к. опора на внешние, заметные признаки в поведении условно верующего индивида противоречит логике предмета психологии как отрасли научного знания. Стоит вспомнить слова С. Л. Рубинштейна: «специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяются отчетливо и ясно <...> все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни, что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано» [8, с. 10].

В контексте данных размышлений особое звучание приобретают слова Г. В. Олпорт: «недостаточно знать, что человек в целом «религиозен», нужно также определить, какую роль играет религия в его жизни» [7, с. 207]. В противном случае, валидность получаемых результатов соответствует валидности измерений средней температуры по госпиталю в известном изречении Козьмы Пруткова.

С нашей точки зрения, изменить ситуацию можно посредством конструирования специализированных психологических шкал религиозности, которые учитывали бы значимость религиозных переживаний для личности, степень интериоризации религиозных норм поведения.

Библиографический список

1. Асланян В. Ю. Психология религии как одно из исследовательских направлений кафедры психологии СВГУ // Вестник СВГУ. – 2016. – № 26. – С. 6–10.
2. Двойнин А. М. Смыслоразнозначные ориентации религиозной личности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия 4: Педагогика. Психология. – Вып. 3 (22). – 2011. – С. 139–151.
3. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. – СПб. : Питер, 2000. – 320 с.

4. Ермолаев О. Ю. Математическая статистика для психологов. – М. : МПСИ ; Флинта, 2003. – 336 с.
5. Ефремова М. В., Лепшокова З. Х. Взаимосвязь ценностей и экономических установок у российских студентов: межконфессиональный анализ // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 2. – С. 18-27.
6. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. – СПб : Речь, 2007. – 392 с.
7. Оллпорт Г. В. Личность в психологии. – М. : КСП+ ; СПб. : Ювента, 1998. – 345 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб : Питер, 2000. – 712 с.
9. Синельников А. Б., Медков В. М., Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). – М. : КДУ, 2009. – 288 с.
10. Субботин А. Л. Классификация. – М. : ИФ РАН, 2001. – 94 с.
11. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35–45.
12. Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. – М. : ФОМ, 2000. – С. 112–145.
13. Шорохова В. А., Хухлаев О. Е., Дагбаева С. Б. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников-буддистов // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 1. – С. 66–75.

VII. PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF FAMILY INTERACTION

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ НЕВРОТИЧЕСКИХ СИМПТОМОВ У ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СЕМЕЙНОГО СТАТУСА В РЕСПУБЛИКЕ (САХА) ЯКУТИЯ

В. Г. Бегиев
Н. А. Лебедева

Я. В. Винокурова
О. В. Бегиев

*Доктор медицинских наук, профессор,
кандидат медицинских наук, доцент,
Медицинский институт,
старший преподаватель,
студент,
Институт психологии,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. The presented data show neurotic symptoms in adolescence, revealed in the analysis of the scale of the clinical questionnaire of neurotic states K. K. Yakhin and D. M. Mendelevich. Statistical processing of data was carried out on a personal computer using computer programs such as SPSS (statistical package for social sciences), comparative analysis using the H. Kraskal-Wallis criterion. The significance level indicators for all six scales differ significantly $p < 0.05$. In the pairwise comparison with the use of the T test of the Student, there were no significant differences in adolescents with hearing impairment, there was no correlation between the family status and neurotic symptoms.

Keywords: hearing impairment; adolescents; neurotic symptoms; family status.

Цель исследования: изучить выраженность невротических симптомов у подростков с нарушением слуха в зависимости от семейного статуса.

Для достижения поставленной цели мы обозначили задачи исследования:

1. Провести группировку исследуемых подростков с нарушением слуха по семейному статусу;
2. Провести сравнительный анализ выраженности невротических симптомов у подростков с нарушением слуха в зависимости от семейного статуса.

Практическая значимость состоит в том, что эта работа может быть использована в коррекционных образовательных учреждениях в целях

улучшения психологического здоровья детей и подростков с нарушениями слуха (ОВЗ), а также для повышения их социализации. Эта работа будет полезна студентам психологам и психодиагностам.

Материалы и методы. Объектом исследования выступили 42 подростка с нарушением слуха. Исследование проводилось на базе специальной (коррекционной) школы-интерната по Вилуйскому тракту 3 км. д. 47. в г. Якутске. В данной школе обучаются дети с нарушением слуха и зрения.

В нашу выборку вошли 42 испытуемых с нарушением слуха в возрасте от 12 до 16 лет, обучающиеся в 7–12 классах. Из них 15 юношей и 27 девушек.

Испытуемые исследовались с помощью клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний К. К. Яхина и Д. М. Менделевича.

Также с испытуемыми было проведено клинико-психологическое интервью, в ходе которого был получен анамнез пациентов и характеристика их текущего эмоционального состояния.

Результаты и их обсуждение. Согласно ключу данной методики, чем выше результат, тем выше показатель здоровья по данной шкале. Наиболее высокие показатели практически по всем шкалам имеют подростки-сироты. Все показатели у этой группы имеют положительные значения. Наиболее низкие показатели по шкалам данного опросника, хоть и не достигающие до уровня «нездоровья», преобладают у группы подростков, воспитывающихся в полной семье.

Для статистического сравнения трех групп использовался критерий Н. Краскала – Уоллиса. При сравнении трех групп подростков с нарушением слуха по показателям выраженности невротических симптомов, выявленных с помощью клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний К. К. Яхина и Д. М. Менделевича, с использованием критерия Н. Краскала – Уоллиса, было выявлено, что данные группы различны ($p < 0,05$). Различия с уровнем значимости $p < 0,05$ были выявлены по всем шести шкалам опросника. Таким образом, характеристики различных экспериментальных групп значимо отличаются друг от друга.

Для более детального рассмотрения различий между группами подростков с различным семейным статусом нами было проведено попарное сравнение с использованием t-критерия Стьюдента.

Данные исследования показали, что подростки с нарушением слуха, воспитывающиеся в полной семье и такие же подростки, не имеющие родителей, не отличаются по выраженности невротических симптомов.

При сравнении выраженности невротических симптомов у подростков с нарушением слуха из полных и неполных семей по всем шкалам не выявлено статистически достоверных различий.

При сравнении выраженности невротических симптомов у подростков с нарушением слуха из неполных семей и подростков-сирот с нарушением слуха по всем шкалам не выявлено статистически достоверных различий.

Таким образом, у подростков с нарушением слуха не было выявлено связи между семейным статусом и невротической симптоматикой.

Несмотря на первичные различия при сравнении средних показателей (рис. 5), а также на имеющиеся различия при сравнении трех групп с помощью критерия Н. Краскала-Уоллиса, при попарном сравнении статистически достоверных различий обнаружено не было. Таким образом, в проведенном нами исследовании было выявлено, что подростки с нарушением слуха не отличаются по выраженности невротических симптомов в зависимости от семейного статуса.

Несмотря на первичные различия при сравнении средних показателей, а также на имеющиеся различия при сравнении трех групп с помощью критерия Н. Краскала-Уоллиса, при попарном сравнении статистически достоверных различий обнаружено не было. Таким образом, в проведенном нами исследовании было выявлено, что подростки с нарушением слуха не отличаются по выраженности невротических симптомов в зависимости от семейного статуса.

Вероятнее всего обследуемые нами подростки с нарушением слуха не сталкивались с психотравмирующими ситуациями на более ранних этапах жизни (Л. С. Выготский, А. А. Емельянов, Б. Д. Карвасарский, Г. Г. Шанько) [1, 2, 3, 4] такими как, патологическая беременность и аномально протекавшие роды, которые могут внести свою лепту в создание предрасположенности к неврозам, а также психические травмы детства, такие как потеря родителей, болезнь родителей, длительная разлука с ними и конфликты между близкими людьми. Сюда же можно отнести развод, внебрачное рождение, воспитание приемными родителями.

Также можно предположить, что у данных испытуемых сильная психологическая защита, препятствующая возникновению невротических симптомов.

Выводы: Полученные результаты свидетельствуют о том, что семейный статус не оказывает существенного влияния на проявления невротической симптоматики у подростков с нарушением слуха.

Библиографический список

1. Выготский Л. С. Основы дефектологии. – Санкт-Петербург: Лань, 2003. – С. 22-59, 99-129.
2. Г. Г. Шанько. Неврозы у детей - Минск.: Харвест, 2007
3. Емельянов, А. А. Комплексная оценка состояния здоровья детей с нарушениями зрения и оптимизация условий их воспитания и оздоровления в специализированных дошкольных образовательных учреждениях : дис. канд. мед. наук. – Москва, 2009. – 157 с.
4. Карвасарский Б. Д. Неврозы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1990.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ УЧИТЕЛЯ С СЕМЬЯМИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

О. В. Галигорова
А. М. Григорьева

Учитель МБОУ «СОШ № 40»,
Учитель МБОУ «ООШ №1»,
г. Астрахань, Россия

Summary. The teacher and psychologist P. P. Blonskiy noted: "You can not raise a child without raising his parents." The main areas of work of the teacher and class teacher with the families of students are: diagnosis of family and family education, psycho-prevention and psychosecurity, advisory work. The special value of the method "The kinetic drawing of the family is given by the fact that it reflects the real situation of the family, which turns out to be hidden.

Keywords: family diagnostics; blue-warning; kinetic family drawing.

Педагог и психолог П. П. Блонский отмечал: «Нельзя воспитывать ребёнка, не воспитывая его родителей». Из этих слов и как показывает практика, следует, что в психологическом сопровождении нуждаются не только наши ученики, но и их родители.

Основными направлениями работы учителя и классного руководителя с семьями обучающихся являются: диагностика семьи и семейного воспитания, психопрофилактика и психопросвещение, консультативная работа.

Начальный этап является традиционным. Это выявление и анализ проблем, характерных для конкретных семей. Цель данного вида работы – это психолого-педагогическое изучение семьи с целью выявления достижений в семейном воспитании, определения причин нарушений в развитии и воспитании ребенка.

Мы в своей работе используем следующие методы: анкетирование и опросы родителей и обучающихся (выявление отношений родителей к школе; изучение развития ребенка; изучение внутрисемейных отношений; выявление особенностей и недостатков семейного воспитания), проективные методики: «Кинетический рисунок семьи», «Моя семья в образе животных», совместный рисунок родителя и ребенка.

Из проведенных исследований, в которых приняли участие родители обучающихся 5–9 классов в количестве 300 человек, следует отметить, что к сожалению неполные семьи составляют 30 %. Как правило, эти семьи являются экономически неблагополучными. Но хуже всего то, что в таких семьях царит социально-психологическое неблагополучие. Можно сделать вывод, что для родителей многих семей характерным является равнодушное отношение к детям. На основании полученных данных, планируются другие виды работы. Психопрофилактическая работа.

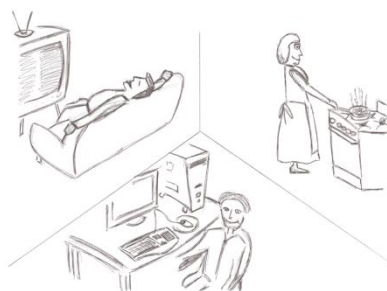
Цель данного направления: формирование в сознании родителей потребности в психологических знаниях, желания использовать их в воспи-

тании ребенка; создание условий для полноценного психического развития ребенка на каждом возрастном этапе.

В психопрофилактике наиболее популярной формой работы является родительский лекторий. Тематика лекций берется из результатов анкет и опросов, родители сами определяют, на какой вопрос они хотели бы получить ответ. На эти встречи приглашаются специалисты.

Хочется добавить, что богатую информацию о субъективной семейной ситуации дают проективные методики. Например, «Кинетический рисунок семьи». Особую ценность этой методике придает тот факт, что она отражает реальную ситуацию семьи, которая оказывается скрытой.

«Кинетический рисунок семьи»

Из рисунка видно: семья полная, вечером все члены семьи находятся дома, но если оценить с психологической точки зрения – все в разных комнатах, на рисунке явно видны межкомнатные перегородки. Из беседы с подростком выяснилось, что общение дома ограничено и носит характер физической заботы о ребенке («Ты здоров? Ты голоден? «Выучил уроки?»»). Недостаток общения в семье привел к тому, что у ребенка не сформировались коммуникативные навыки, в классе ребенок был изгоем. В этом случае все виды работы с семьей, о которых говорилось выше, помогли, мальчик стал «принятым» в коллективе и успешно закончил девятый класс.

В заключении хотелось бы предложить несколько советов для тех, кто работает с семьей: не относиться к родителям с позиции силы или страха, начинать разговор с родителями с похвалы ребенка, не злоупотреблять доверием родителей. Работа с родителями требует самообладания и выдержки. И помните, чтобы воспитывать детей, надо быть самому гармоничным и счастливым человеком!

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА, ИМЕЮЩИХ ТАТУИРОВКИ

А. А. Федорова
К. В. Жукова

*Кандидат психологических наук, доцент,
студент,
Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова,
Медико-психолого-
социальный институт,
г. Абакан, Республика Хакасия, Россия*

Summary. Study of individual typological and personal characteristics of adolescents with tattoos in psychology.

Keywords: psychology of tattooing.

В современной культуре остро стоит проблема удовлетворенности собственной внешностью: общество культивирует привлекательность, а отдельный человек, повышено озабочен своим видом и стремится к соответствию высоким стандартам физического Я. Одной из актуальных форм трансформации собственного тела в желаемое состояние, является нанесение татуировок. При этом данный способ либо отчасти игнорируется научным сообществом, либо перманентно интерпретируется как аномалия.

Замечено, что феномены телесности, в частности, нанесение татуировок, и индивидуально-типологические особенности личности напрямую связаны. При этом по сей день отсутствуют исследовательские программы, вскрывающие специфику данных особенностей и представлений о нем среди обладателей татуировок. Индивидуально-типологические особенности личности в юношеском возрасте изложены в трудах А. А. Бодалева, Л. И. Бодалева, Н. С. Пряжникова, Д. И. Фельдштейна, А. Е. Личко, Г. М. Андреевой, В. М. Менделевича и многих других. Недостаточность и отсутствие четкости в позициях исследователей побудили выбрать представленную в названии тему исследования.

Объект исследования: личность юношеского возраста, имеющая татуировки.

Предмет исследования: индивидуально-типологические и личностные особенности юношей и девушек, имеющих татуировки.

Цель исследования: изучить и выявить индивидуально-типологические и личностные особенности юношей и девушек, имеющих татуировки.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ литературы по проблеме исследования темперамента, акцентуаций характера и коммуникативных и организаторских способностей в психологии лиц юношеского возраста.

2. Выявить и сравнить структуру темперамента у лиц юношеского возраста имеющих и не имеющих татуировки.

3. Выявить и сравнить акцентуации характера у лиц юношеского возраста имеющих и не имеющих татуировки.

4. Выявить и сравнить коммуникативные и организаторские способности у лиц юношеского возраста имеющих и не имеющих татуировки.

5. Сравнить индивидуально-типологические и личностные особенности лиц юношеского возраста, имеющих и не имеющих татуировки.

Гипотеза исследования: предположим, что, лица юношеского возраста, имеющие татуировки, отличаются по своим индивидуально-типологическим и личностным особенностям от лиц юношеского возраста, не имеющих татуировок, а именно – лица юношеского возраста, имеющие татуировки, будут более тревожны и эмоциональны, чем лица юношеского возраста, не имеющие татуировок, у них будут более низкие показатели собственной энергичности и в меньшей степени развиты организаторские способности.

Методологическая основа исследования: концепция Джона Раша о сознательности нанесения татуировки в зависимости от личностных особенностей, намерении выполнить на собственном теле украшения, являющиеся символом выделения на общем фоне или чертой характера (2014 г.).

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы:**

1. Теоретический анализ литературы

2. Эмпирические:

• Методика изучения структуры темперамента В. М. Русалова;

• Методика изучения акцентуаций характера личности К. Леонгарда (модификация С. Шмишека);

• Методика КОС (коммуникативные и организаторские способности) В. В. Синявский и Б. А. Федоришин);

3. Методы математической обработки данных: пакет программ.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что результаты, полученные в ходе эмпирического исследования индивидуально-типологических и личностных особенностей лиц юношеского возраста, имеющих татуировки, могут быть использованы психологами, педагогами и лицами, профессионально ориентированными в своей работе. **Характеристика выборки:** студенты Хакасского государственного университета, Институт естественных наук и математики (ИЕНИМ), средний возраст: 19–21 лет, лица юношеского возраста имеющие татуировки, сделанные приблизительно 1–1,5 года назад, 5 девушек и 5 юношей.

2 группа выборки – лица юношеского возраста, не имеющие татуировки: студенты Хакасского государственного университета, Институт естественных наук и математики (ИЕНИМ), средний возраст: 19–21 лет, лица юношеского возраста, не имеющие татуировок, 5 юношей и 5 девушек.

Результаты исследования темперамента, акцентуаций характера, коммуникативных и организаторских способностей лиц юношеского возраста, имеющих и не имеющих татуировки.

Результаты исследования особенностей темперамента у лиц юношеского возраста, имеющих и не имеющих татуировки, представлены следующим образом: лица юношеского возраста, имеющие татуировки, чаще низко энергичны ($p \leq 0,05$), что говорит об их невысокой активности и работоспособности; не способны долго и продуктивно заниматься делами, сохраняя работоспособность и после продолжительной деятельности: имеют низкую потребность в освоении предметного мира, жажду деятельности, стремление к напряженному умственному труду.

Лица юношеского возраста, имеющие татуировки, в отличие от лиц юношеского возраста, не имеющих татуировок, чаще испытывают потребность в социальном контакте ($p \leq 0,05$), жажде освоения социальных форм деятельности. Имеют широкий круг общения. Инициативны, быстро и легко устанавливает контакты с разными людьми. Высоко ценят собственную точку зрения. Лица юношеского возраста, имеющие татуировки, имеют более высокий социальный темп поведения, ($p \leq 0,05$), что характеризует их речедвигательной быстротой, быстротой говорения. Указывает на высокие скорости и возможности речедвигательного аппарата.

Лица юношеского возраста, имеющие татуировки, более эмоциональны ($p \leq 0,05$). У них высокая чувствительность к расхождению между задуманным и ожидаемым, планируемым и результатами реального действия. Часто испытывают ощущение неуверенности, тревоги, неполноценности. Высокое беспокойство по поводу работы. Слишком чувствительны к неудачам. Возможно, это один из мотивов нанесения татуировки.

Исследование акцентуаций характера лиц юношеского возраста, имеющих и не имеющих татуировки.

У лиц юношеского возраста, имеющих татуировки, отсутствует акцентуация гипертимность, в то время как у лиц юношеского возраста, не имеющих татуировок, она имеет высокий показатель. Это говорит нам о том, что их отличает подвижность ($p \leq 0,05$), общительность, болтливость, выраженность жестов, мимики, пантомимики, чрезмерная самостоятельность, склонность к озорству, недостаток чувства дистанции в отношениях с другими. Часто спонтанно отклоняются от первоначальной темы в разговоре. Они почти всегда имеют очень хорошее настроение, хорошее самочувствие, высокий жизненный тонус, нередко цветущий вид, хороший аппетит, здоровый сон. Это люди с повышенной самооценкой, веселые, легкомысленные, поверхностные и вместе с тем деловитые, изобретательные, блестящие собеседники; люди, умеющие развлекать других, энергичные, деятельные, инициативные. Большое Педантичность, как признак акцентуации характера, у лиц юношеского возраста, имеющих татуировки, отсут-

ствует, в отличие от высокого показателя у лиц юношеского возраста, не имеющих татуировки ($p \leq 0,05$).

Лица юношеского возраста, имеющие татуировки более тревожны ($p \leq 0,05$), чем лица юношеского возраста, не имеющие татуировок. Это может указывать на их склонность к рассуждениям и самоанализу. Пониженный фон настроения, опасения за себя, близких, робость, неуверенность в себе, крайняя нерешительность, они долго переживают неудачу, сомневаются в своих действиях: редко вступают в конфликты. У них рано формируется чувство долга, ответственности, высокие моральные и этические требования. Чувство собственной неполноценности стараются замаскировать в самоутверждении через те виды деятельности, где они могут проявить себя. Лица юношеского возраста, имеющие татуировки, в отличие от лиц юношеского возраста, не имеющих татуировок. Имеют такой признак акцентуации как неуравновешенность ($p \leq 0,05$).

В результате исследования были получены следующие **выводы**:

1. Лица юношеского возраста, имеющие татуировки, в отличие от лиц юношеского возраста не имеющих татуировок, имеют низкую собственную энергичность, что говорит об их невысокой активности и работоспособности. Не способны долго и продуктивно заниматься делами, сохраняя работоспособность и после продолжительной деятельности. Имеют низкую потребность в освоении предметного мира, жажду деятельности, стремление к напряженному умственному и физическому труду.

2. Лица юношеского возраста, имеющие татуировки, в отличие от лиц юношеского возраста не имеющих татуировок, имеют высокую социальную энергичность и высокий социальный темп, что говорит об их потребности в социальном контакте, жажде освоения социальных форм деятельности. Так же их характеризует речедвигательная быстрота.

3. Лица юношеского возраста, имеющие татуировки, в отличие от лиц юношеского возраста не имеющих татуировок, имеют высокую эмоциональность, что говорит их высокой чувствительности к расхождению между задуманным и ожидаемым, планируемым и результатами реального действия. Слишком чувствительны к неудачам.

4. Лица юношеского возраста, имеющие татуировки, в отличие от лиц юношеского возраста не имеющих татуировок, более тревожны и неуравновешенны, что говорит об их возможной склонности к рассуждениям и самоанализу. Пониженный фон настроения, опасения за себя, близких, робость, неуверенность в себе, крайняя нерешительность, сомнения в своих действиях. Редко вступают в конфликты. У них рано формируется чувство долга, ответственности, высокие моральные и этические требования. Чувство собственной неполноценности стараются замаскировать в самоутверждении через те виды деятельности, где они могут в большей мере раскрыть свои способности.

Библиографический список

1. Абакирова Т. П. Социально-психологические факторы формирования коммуникативных свойств личности: дис. канд. психол. наук. – Новосибирск, 2010.
2. Кант И. О темпераменте // Психология индивидуальных различий. Тексты. М., 1982. С. 148-152.
3. Малявина С. С. Изучение структуры индивидуальности в отечественной психологии XIX-XX века // Мир психологии, 2015. № 4. С. 261-270.
4. Новгородова Е. Ф. Особенности субъективного благополучия обладателей татуировок // Молодой ученый. – 2017. – №15. – С. 536-540
5. Способности и склонности: комплексные исследования / под ред. Э. А. Голубевой. – М.: Педагогика, 1989.

ФОРМЫ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

Т. Л. Щербакова

Воспитатель,
Вспомогательная школа № 24 г. Орши,
г. Орша, Витебская область, Беларусь

Summary. The help of school to the families raising children with intellectual insufficiency. Work of establishment is based on two directions. Forms of work are built on interaction of school and family.

Keywords: family; parents; support; teachers.

Семья – вот что важнее всего, вот что заставляет биться мое сердце.

К сожалению, мы приходим к выводу, что для многих людей семья, в которой рождается ребенок с интеллектуальной недостаточностью, сегодня стала местом постоянных конфликтов, придирок и унижений, страдания и неуважения. Такая ситуация в семьях может вызвать задержку психического развития, нарушения поведения и личностного развития в целом. Почему так происходит? Почему так много несчастных детей и родителей? Русский писатель Л. Н. Толстой утверждал, что «все счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая несчастная семья несчастна по-своему».

Поэтому, школе необходимо максимально помочь таким семьям. Семья и учреждение образования, рассматриваются, как два важных института социализации ребенка. В связи с этим современный подход по отношению к ребенку рассматривает сотрудничество учреждения образования и семьи. Успех наиболее удачно складывается, если обе стороны осознают необходимость целенаправленного сотрудничества на благо ребенка и доверяют друг другу. Важно, чтобы родители были уверены в хорошем отношении к ребенку со стороны педагога, чувствовали его компетент-

ность в вопросах воспитания, видели искреннюю заинтересованность в судьбе ребенка [1].

В учреждении образования выделяют 2 направления работы:

- диагностическая работа (изучение семьи и семейных отношений);
- повышение уровня психолого-педагогической культуры родителей (педагогическая компетентность и воспитательный потенциал).

Диагностическая работа включает в себя: изучение общего плана семьи; изучение родителей отношения к учреждению образования; изучение психолого-педагогической культуры родителей; изучение взаимоотношений ребенка с другими членами семьи.

При реализации данных задач важным условием является установление доверительных отношений между педагогом и семьей. Повышение уровня психолого-педагогической культуры родителей подразумевает пропаганду знаний об укреплении и сохранении здоровья ребенка, помощь в вопросах социализации, трудового воспитания, в соблюдении гражданских прав и обязанностей, в формировании эмоционально-нравственных отношений.

Работа по данным направлениям позволяет укрепить учреждение образования в открытый социально-педагогический комплекс с активным участием родителей в его работе.

Квалифицированную помощь со стороны родителей детям с интеллектуальной недостаточностью существенно дополняет комплекс коррекционно-педагогических мероприятий. Совместная работа со специалистами необходима для получения конкретных навыков и умений, а так же для личностного роста самих родителей, которые становятся партнерами специалистов. Оказывая семье поддержку, специалист дает родителям полную информацию об особенностях ребенка. Говорит о его положительных и отрицательных особенностях, сильные и слабые стороны, обращая внимание на положительные черты ребенка и его достижения.

Таким образом, при работе с семьей, воспитывающей ребенка с интеллектуальной недостаточностью, педагог-дефектолог, обращает внимание родителей на следующие основные направления работы: постоянную стимуляцию психического развития, соответствующую возрастным и индивидуальным особенностям ребенка; создание благоприятных условий для воспитания и обучения; формирование эмоционально-положительного, предметно-практического и речевого взаимодействия ребенка с членами семьи [2].

Помочь родителям выстраивать взаимодействие с ребенком по данным направлениям можно, используя следующие формы работы с семьей: посещение семьи ребенка; индивидуальное консультирование родителей; участие родителей в тематических собраниях; совместное проведение досугов; работа с родительской группой; стенд для родителей, родительские конференции.

Таким образом, взаимодействие школы и семьи является значимым и необходимым для полноценного развития ребенка.

Библиографический список

1. Куликова, Т. А. Семейная педагогика и домашнее воспитание [Текст] / Т. А. Куликова – Москва. - 2001. С. 3.
2. Мишина, Г. А. Формы организации коррекционно-педагогической работы специалиста-дефектолога с семьей [Текст] / Г. А. Мишина //Дефектология. – 2001. – №1. – С.138.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2018 ГОДУ**

Дата	Название
20–21 февраля 2018 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2018 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2018 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2018	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
13–14 марта 2018 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2018 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2018 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2018 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2018 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2018 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2018 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2018 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2018 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2018 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2018 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2018 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2018 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2018 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2018 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2018 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2018 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2018 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2018 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2018 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2018 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2018 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2018 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2018 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2018 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2018 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2018 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2018 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации

1–2 октября 2018 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2018 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2018 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2018 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2018 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2018 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2018 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2018 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2018 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2018 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2018 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2018 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2018 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2018 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2018 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2018 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2018 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2018 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,104.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,742

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian University
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami
Branch of the Military Academy of Communications in Krasnodar
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
Samara State Social and Pedagogical University
Penza State Technological University

PSYCHOLOGY OF THE 21ST CENTURY: THEORY, PRACTICE, PROSPECT

Materials of the VIII international scientific conference
on February 15–16, 2018

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 20.02.2018.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 3,8.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz